

Наполеон

АФОРИЗМЫ

Наполеон Бонапарт

Афоризмы

«Фолио»

Бонапарт Н.

Афоризмы / Н. Бонапарт — «Фолио»,

Вниманию читателей предлагаются высказывания Наполеона, записанные графом Лас Казом, добровольно последовавшим за императором в изгнание на остров Святой Елены. Изречения эти – остроумные, зачастую язвительные, касающиеся политической истории, литературы, философии, – удивительно актуальны для нашего времени и блестяще характеризуют Наполеона – гениального полководца, хитроумного правителя, человека необычайной храбрости и высочайшего самомнения.

© Бонапарт Н.

© Фолио

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

1769 — 1821

Наполеон
Афоризмы

Мысли и максимы узника Святой Елены

I

Когда народ продажен, беспомощен любой закон, кроме тирании.

II

Как всякого властителя, свершившего вы дающиеся деяния, меня нередко переоценивали; но сам я всегда сознавал свою истинную цену.

III

Европейские монархи построили свои армии по образцу моей. Это вполне естественно; но главное ведь – знать, как ими управлять.

IV

Я очень мало забочусь о мнении парижан: они как те трутни, что беспрестанно жужжат, а смыслят в серьезных вещах не более чем мартышка в метафизике.

V

Я не буду писать до тех пор, пока лондонским клеркам не наскучит читать мои письма.

VI

С тех пор как я взял бразды правления в свои руки, мой главный советчик всегда находился в моей голове; и я был прав: ошибался я, лишь прислушавшись к своим советникам.

VII

Говорят, я оскорбил прусскую королеву, – ничего подобного. Я сказал ей: «Женщина, возвращаясь к швейной иглке, сиди дома с семьей». Она обиделась, – но я не виноват. Я даровал свободу ее дорогому Хатцфельду, который, не будь ее, был бы расстрелян.

VIII

Надо признать, что судьба, играя с человеком, прелюбопытно устраивает дела в мире.

IX

Людовик XIV зимой выиграл Франш-Конте, но в ноябре он не дал бы сражения под Москвой.

X

Так союзники всерьез опасаются меня? Не советую им посягать на мое величие, *это* может им здорово повредить.

XI

В Потсдаме я нашел великолепную шпагу Фридриха и ленту, которой он перевязывал свои указы; и эти трофеи я ценю много больше, чем все миллионы, выплаченные мне Пруссией.

XII

Ваши подчиненные никогда по-настоящему не поддержат вас, если только не будут уверены, что вы непреклонны.

XIII

Я знаю анекдоты о европейских дворах, которые могут потешить современный мир, но мне чужда сатира.

XIV

Когда боль и дела покидают меня, я перечитываю Макиавелли, и теперь еще больше убежден, что он не смыслит ничего.

XV

Мой план высадки в Англии был грандиозен; я взялся построить порты и корабли. Брюи показал себя достойным помощником в этом предприятии; он взрастил пламенный ум в слабом теле.

XVI

Европейские журналы довольно несправедливо сравнивают террор 1793 и 1815 годов: не вижу ни малейшего сходства между ними: в одном все грандиозно, ужасающе и величественно, в другом же все подло, низко и мелочно. В 1793-м головы поправших закон довольно часто падали одновременно с головами их жертв; в 1815-м трусы и негодяи безрассудно проливали кровь побежденных и пили кровь преимущественно ради удовольствия ее пить. Режим 1793-го поглотил его собственных детей; режим 1815-го оставил их в живых. Никаких положительных последствий этого я не замечаю.

XVII

Нерешительность действует на принцев так же, как паралич – на движения ягнят.

XVIII

Если бы «Илиада» Гомера была написана современником, она бы никому не понравилась.

XIX

У моих солдат нет вины предо мной; это я виновен пред ними.

XX

Те, кто ищет счастья в роскоши и беспутстве, подобны людям, предпочитающим величание горящей свечи солнечному свету.

XXI

Я сделал достаточно для потомков: я завещал свою славу сыну, а памятники – Европе.

XXII

Вульгарное тянется к великим; и не ради их самих, а ради их могущества, а *те* достигают своего из тщеславия или потому, что хотят этого.

XXIII

Аббат де Прадт писал проповеди, планы военных кампаний и исторические сочинения; у него превосходный вкус на романсы, и он забавный архиепископ.

XXIV

У муниципального управления есть преимущества. Его недостаток в том, что оно не монархическое. Подданные слишком далеки от власти; это знание очень пригодились бы древним галлам. Цезарю, завоевавшему их, такое управление пришлось по душе.

XXV

Справедливый человек – образ Бога на земле.

XXVI

Мы слабы из-за лени или недоверия к самим себе; горе тому, в ком сочетаются обе эти причины: если это простой смертный, то он ничтожен; если король, то он ничтожен вдвойне.

XXVII

Путешествие в Сен-Клу было всего лишь маскарадом; пыл революции и партии не могли противостоять мне и Франции. Фракции были в меньшинстве; они сделали единственное, на что были способны, – они сбежали. Еще были группы, которые более чем запутались в своих рядах; а также тот, кто выступал в роли Брута и двадцать четыре часа спустя был весьма обязан мне за то, что его выбросили вон.

XXVIII

Глупец имеет огромное преимущество перед образованным человеком: он всегда доволен собой.

XXIX

Если вы хотите узнать, сколько у вас настоящих друзей, попадите в беду.

XXX

До Ватерлоо я думал, что в Веллингтоне таится военный гений. Сведущие люди были поражены, когда он выстоял при Мон-Сен-Жан¹: если бы не этот случай, ни один англичанин не ушел бы от меня. Он должен благодарить за свою удачу прежде всего счастье, а затем – пруссаков.

XXXI

Древняя Греция известна семью мудрецами; в Европе я не вижу ни одного.

XXXII

Между остроумием и здравым смыслом гораздо большая пропасть, чем люди склонны считать.

XXXIII

В Европе копируют мои законы, устанавливают подобные моим учреждения, заканчивают мои начинания, перенимают мою политику, подражают многому, вплоть до того тона, который задавал мой двор: значит, мое правление было не столь абсурдно и нелепо, как о том говорят.

XXXIV

Храбрость – судьбоносная монетка: кто-то, дрожащий перед топором экзекутора, смело встретит смерть от руки врага. Существуют лжехрабрецы, так же как и поддельные монеты. Словом, храбрость – врожденное качество; мы не можем получить его по своему желанию.

XXXV

Старые, заново оштукатуренные монархии держатся до тех пор, пока народ не почувствует в себе силы; такие сооружения всегда начинают рушиться от самого основания.

XXXVI

¹ Так французы часто называют битву при Ватерлоо. – *Примеч. переводчика.*

Ищущие почитания подобны любовникам: обладание преуменьшает ценность желаемого.

XXXVII

За свою жизнь я совершил немало ошибок; величайшей было вручение моей персоны англичанам: я поверил в то, что они следуют законам чести.

XXXVIII

Франция неисчерпаема; я испытал ее после войны с Россией и в борьбе против коалиции 1815 года, но она продолжала изобиловать сокровищами и солдатами. Такая страна никогда не будет покорена или разорена.

XXXIX

Вернейший способ оставаться бедняком – быть честным человеком.

XL

От десяти говорящих больше шума, чем от десяти тысяч тех, что молчат; вот ключ к успеху всех крикунов на трибунах.

XLI

Короли и обманутые мужья всегда последними замечают свое дурацкое положение.

XLII

Пытливый ум может охватить все, но невозможно достичь всего на свете.

XLIII

Я побеждал королей во имя власти; короли побеждали меня во благо народа: они совершили большую ошибку, лишив меня трона. Подождем же конца игры.

XLIV

Я предпочитаю весомый аргумент утонченному красноречию: дела всегда лучше слов.

XLV

При принятии решений люди делятся на две группы: на тех, кто их принимает, и тех, кто использует решение других.

XLVI

Мне нравится величественное в искусстве: тут нет среднего; оно либо возвышенно, либо убого.

XLVII

Мсть злому человеку – дань уважения добродетели.

XLVIII

Сэр Хадсон Лоу – неотесанный тюремщик; это его дело. По тому, как он со мной обращается, ощущается, что он чувствует мое превосходство.

XLIX

Человек – как овца: он следует за первым, кто пойдет вперед. В управленческих же делах нам нужны соратники, без них невозможно довести дело до конца.

L

Твердый ум сопротивляется чувственности подобно тому, как моряк избегает подводных камней.

LI

Привычка обрекает нас на множество глупостей; наибольшая из которых – превращаться в ее раба.

LII

Если бы Корнель жил в мое время, я бы назначил его своим министром.

LIII

Роспуск моей армии займет в истории место в ряду грубейших политических ошибок королевского правления.

LIV

Просвещенной нацией нельзя руководить вполсилы; она требует энергичности, согласия и единства всех публичных решений.

LV

Тот, кто предпочитает богатство славе, подобен транжире, который занимает деньги у ростовщиков и разоряется на процентах.

LVI

В моей жизни было три счастливых дня: Маренго, Аустерлиц и Йена; пока не добавился четвертый – когда я дал аудиенцию императору Австрии во рву.

LVII

Победу одерживают не числом. Александр поверг триста тысяч персов своими двадцатью тысячами македонцев. И я откровенно преуспел в дерзких предприятиях.

LVIII

Палата представителей, которую я создал, завершила свою историю вместе со мной. Она могла спасти Францию, наделив меня неограниченной властью. Двадцать членов фракций потеряли все: им хватило глупости заговорить о конституции в то время, когда Блюхер расположился лагерем в Севре. Мне казалось, я вижу греков восточной империи с Магометом пред ними.

LIX

После моего отречения в 1815-м враг еще мог быть повержен. Я предложил взять на себя командование, но мне отказали. У меня не было никакого личного интереса выступать в роли наблюдателя.

LX

Публика поклоняется религии и восторгается могуществом. Чернь судит о жалованье придворного по количеству его лакеев; толпа судит о величии Бога по числу священников.

LXI

Я за всю жизнь не смог прочесть ни одной страницы Тацита, он страшный болтун; Политбий радует и наставляет меня, у него нет декламаций.

LXII

Мое правление было либеральным, ибо оставалось твердым и суровым. Я рассматривал каждого человека преимущественно как инструмент. Я не особенно принимал во внимание их убеждения, понимая, что главное – следование моим правилам. Моя игра удалась, я создал новую систему.

LXIII

Я обогатил своих офицеров; но мне следовало помнить, что когда человек богат, у него уже нет никакого желания умирать.

LXIV

Отвага укрепляет трон; когда трусость и позор расшатывают его, лучше отречься.

LXV

Я всегда восхищался Митридатом, который думал о завоевании Рима в то время, когда сам был побежден и бежал.

LXVI

Когда я был монархом, каждый раз, когда я пользовался правом помилования, впоследствии всегда раскаивался в этом.

LXVII

В точном наследовании природы не про является трагедия; я предпочитаю группу Лаокона концу пьесы «Родогун».

LXVIII

Конституционные государства застойны; действия правительства слишком ограничены, что ставит их в самое невыгодное положение в борьбе с могущественными и единолично правящими соседями. Диктатура могла бы помочь им, но она подобна тарану, который пробьет ворота столицы еще прежде, чем они будут готовы выдержать удар.

LXIX

Эмигранты, дворяне и священники, потерявшие свои имения и привилегии во время революции, рассчитывали вернуть их с восстановлением старой династии. Они думали, что все еще находятся в Кобленце; они на все смотрели с ложной точки зрения. Они не видели света, они лишь плакали за своими деньгами.

LXX

Старики, которые сохраняют наклонности юнцов, теряют уважение к себе и становятся смешны.

LXXI

Дурак всего лишь утомителен, педант невыносим; никогда не понимал Бональда.

LXXII

Мир физического невероятно узок; правду нужно искать в мире духовном, если хотим проникнуть в глубь политики и войны.

LXXIII

Две партии, ныне существующие во Франции, хоть и разъярены одна на другую, объединяются – но не против конституционного правления, до которого им мало дела, а против кучки честных людей, чье молчание уничижает их.

LXXIV

Когда я появился на политической арене, на ней было всего два типа людей; конституционные объединения, требующие аграрных законов во имя Гракха Бабефа; и фрюктидорианцы, которые хотели управлять с помощью военных судов, ссылок и отставок.

LXXV

Нынешние главы фракций во Франции – карлики, вскарабкавшиеся на ходули. Несколько талантливых людей и множество болтунов.

LXXVI

Был грандиозный протест против того, что называют *моим деспотизмом*; однако я всегда говорил, что нация не является собственностью человека, который правит ею; сейчас же монархи, установившие конституционное правление, другого мнения.

LXXVII

Если бы юрист Гойе, отступник Сиейес, поверенный Ревбель и старьевщик Мулэн сделали королями, я бы запросто стал консулом; я заручился опытом Монтенотти, Лоди, Арколе, Шебрэйса и Абукира.

LXXVIII

Неудачи Франции начиная с 1814 года обусловлены тем обстоятельством, что идеалистов с виртуозной способностью к манипуляции угораздило дорваться до власти. Это люди хаоса, ибо хаос проник в их разум. Они служат Богу и дьяволу.

LXXIX

Для меня не будет будущего, пока мое время не пройдет. Клевета добирается до меня, лишь пока я жив.

LXXX

Случай – единственный справедливый правитель в мире.

LXXXI

Корысть, что властвует над людьми во всех уголках мира, – это язык, который они выучивают без грамматик.

LXXXII

Вернейшее средство могущества: военная сила, обеспеченная законом и управляемая гением. Такова воинская повинность. Достаточно убедиться в этом могуществе – и противоречия исчезают, а власть крепнет. Какой, в самом деле, смысл во всех аргументах софистов, когда

командование действительно? Те, кто подчиняется, обязаны придерживаться отданного приказа. Со временем они привыкают к принуждению; они вынимают шпагу, – и все противоречия рассеиваются как дым.

LXXXIII

Цинизм в действиях – это гибель политики государства.

LXXXIV

Правота обуславливается обстоятельствами; Диагор основывался на отрицании Бога, Ньютон – на утверждении его; во время революции вы можете быть то героем, а то грабителем, подняться на эшафот или обрести бессмертие.

LXXXV

Гоббс был Ньютоном политики; его учение так же хорошо, как и многое другое.

LXXXVI

Когда я положил конец революции, я дал понять обществу, на что я способен, тем самым вызвав неопишное изумление революционеров.

LXXXVII

Очень многие воображают, что имеют талант править, основываясь лишь на том, что стоят у руля власти.

LXXXVIII

Короли, поправшие корону, чтобы стать демагогами, не могли предвидеть последствий.

LXXXIX

После моего падения судьба призывала меня умереть, но честь приказывала жить.

XC

В хорошо управляемом государстве должна быть установленная религия и контролируемая церковь. Церковь должна быть в государстве, а не государство в церкви.

XCI

Если бы христианство, как уверяют сектанты, могло бы предоставить человеку место, где есть все что угодно, то это было бы самым ценным подарком небес.

XCII

Выдающийся человек по натуре бесстрастен; его очень мало заботит, оценят его или обвинят, он прислушивается к своему внутреннему голосу.

XCIII

Есть люди, которые льстят, а есть такие, которые обижают. Следует опасаться и тех и других, в противном случае нам следует требовать удовлетворения за их деяния.

XCIV

Амбиции для человека то же, что воздух для природы: лишить духовный мир амбиций, а физический воздуха – и прекратится всяческое движение.

XCV

Пороки так же необходимы обществу, как грозы атмосфере. Если нарушается баланс между добром и злом, исчезает гармония – и тогда быть революции.

XCVI

Любой, кто совершает добродетели только в надежде снискать славу, близок к пороку.

XCVII

Красивая женщина радует глаз, мудрая – радует сердце; первая – украшение, вторая – сокровище.

XCVIII

Среди ищущих смерти лишь немногие находят ее в тот час, когда она могла бы оказаться им полезной.

XCIX

Монарху следует позаботиться о том, чтобы богатства не были распределены слишком неравномерно; тогда у него не будет необходимости ни содержать бедняков, ни защищать богачей.

C

Я был богатейшим монархом Европы. Богатство заключается не в количестве драгоценностей, а в пользе, которую из них извлекают.

CI

Если монарх уличен в одном проступке, общественность приписывает ему все остальные; клевета ширится, давая пищу для анекдотов; литературные вороны кружат над трупом, гниль пожирает его; сотни голосов подхватывают невероятные и скандальные обвинения, временами принимаемые на веру потомками. Это клевета Базилио, что летит подобно лесному пожару.

CII

Написано слишком много; я бы предпочел меньше книг и больше здравого смысла.

CIII

Монарх и премьер-министр должны любить славу. Некоторые спорят, что это ни к чему: они репираются подобно лисице, у которой отрезали хвост.

CIV

При высадке в Египте я был удивлен, когда не нашел ничего от бывшего египетского великолетия, кроме пирамид и куриных вертелов.

CV

Есть очень много льстецов, но очень немногие из них умеют похвалить сдержанно и к месту.

CVI

Однажды история поведаст о том, какой была Франция во времена моего восхождения на трон и какова она была, когда я диктовал законы Европе.

CVII

Любая связь с преступником пятнает трон преступлением.

CVIII

Всегда удивлялся, что убийство Пишегрю приписывалось мне; он был ничем не лучше прочих заговорщиков. У меня был суд, чтобы осудить его, и солдаты, чтобы расстрелять. Я никогда не делал бесполезных вещей.

CIX

Падение предрассудков выявило источник власти; короли больше не могут распоряжаться собственными способностями.

CX

Утвердив Почетный легион, я объединил все классы общества одним интересом; это стойкий механизм, который надолго переживет мою систему.

CXI

В правительстве не должно быть никакой частичной ответственности: это лишь плодит ошибки и потворствует игнорированию законов.

CXII

Французы так любят величие, что им даже нравится, как оно выглядит.

CXIII

Главное преимущество, которое я извлек из ситуации на континенте, заключалось в том, что я отличал своих друзей от врагов.

CXIV

Меня не удивляет судьба Нея и Мюрата; они умерли, как и жили, – героями; такие люди не нуждаются в надгробных речах.

CXV

Я дал новый толчок предпринимательству, чтобы оживить французскую промышленность. Десять лет во Франции наблюдался прогресс. Она пришла в упадок, только когда вернулась к своему прежнему плану колонизации и займов.

CXVI

Я совершил ошибку, вторгнувшись в Испанию, ибо не знал духа этого народа. Гранды призвали меня, а толпа отвергла. Эта страна недостойна монарха из моей династии.

CXVII

В день, когда свергнутые правители вновь занимали трон, они утрачивали остатки благоразумия. И было непохоже, что они еще хоть когда-либо к нему прислушаются.

CXVIII

Со времен изобретения книгопечатания на царство было призвано Просвещение, но на деле власти управляют так, чтобы обуздать его.

CXIX

Если бы революционные атеисты не ставили все под сомнение, их утопия была бы не так уж и плоха.

CXX

Девятнадцать из двадцати стоящих у власти не признают морали; но в их интересах убедить мир, что они хорошо распоряжаются своим могуществом; это делает их честными людьми.

CXXI

Нивозские заговорщики не писали на своих стрелах, подобно противникам Филиппа: «Я целюсь в левый глаз правителя Македонии».

CXXII

Коалиция одержала грандиозную победу, когда отправила в отставку всю старую армию. Она не боится новичков; она их еще не испытала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.